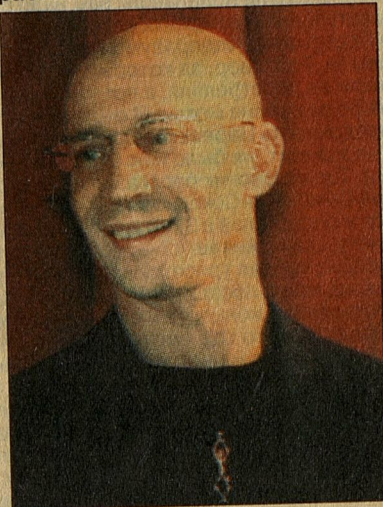

Оборванный танец

В Перми прошли похороны Евгения Панфилова, главы «Балета Евгения Панфилова», первого в России государственного театра современного танца. 13 июля он был найден мертвым в своей квартире. Причина смерти — ножевые ранения, официальная версия следствия — убийство с целью ограбления.

Юноша из архангельской деревни начал всерьез заниматься хореографией после армии, в возрасте, когда танцовщики подходят к пику карьеры. Поступил в Пермский институт культуры, осваивал премудрости классики, в 1987 году организовал при Пермской филармонии театр «Эксперимент». Расхожее в то время название хорошо соответствовало сути панфиловских деяний. Чем, как не дерзким экспериментом, была труппа, на три четверти состоявшая из любителей, но ставившая Булгаковский «Бег» и «Кон-трреволюционную сказку» по мотивам прозы Андрея Платонова? И кем, как не дерзким экспериментатором, был архангельский мужик, добившийся, чтобы созданный им танцевальный стиль — странную смесь классики, модерна, эстрады и бытовых жестов, критики-снобы именовали авторским?

Евгений Панфилов.

Он поставил более ста спектаклей. Каждый год представлял несколько насыщенных эпатажными моментами миниатюр и одноактенок. Затем перешел к полномасштабным балетам, вечным сюжетам и классической музыке, хотя и здесь классическими канонами пренебрегал, предпочитая свой, оригинальный взгляд на вещи. Работал с отечественными и зарубежными труппами. Для Мариинского театра поставил мощную, помужски напористую «Весну священную». Сделал танцевальную часть модернистского опуса Алексея Учителя «Мания Жизели» и сам появился на экране. Балетмейстерские таланты непринужденно соединял с административными. Умением обаять, очаровать, убедить в своей правоте и необходимости поступить именно так, как нужно ему, то есть собственному театру, отличался всегда. Начиная в прокуренной комнатухе, в которой единственными предметами интерьера были продавленный диван и закопченная кофеварка, репетировавший в помещении, где танцовщики вынуждены были огибать громоздившиеся посередине колонны, он отстроил современные классы и офис, отремонтировал зрительный зал и почти добился, чтобы советское учреждение — Дворец культуры им. Дзержинского — стало собственностью труппы.

В результате его трудов родина Дягилева стала гордиться коллективом Панфилова так же, как гордится академическим балетом и хореографическим училищем. После нескольких неудачных попыток он получил национальную российскую премию «Золотая маска», потом театральную премию имени Федора Волкова, а в прошлом месяце Ассоциация театров Урала представила его на соискание Государственной премии России. Пятнадцатилетие некогда маргинального «Эксперимента» отмечали как событие федерального масштаба: с правительственными телеграммами, торжественными адресами и другими приметами прочного успеха. Вероятно, он был счастлив, так как по-детски ревностно относился к внешним атрибутам славы, наслаждаясь возможностью написать в программке: «Художественный руководитель — лауреат все-союзного и международного конкурсов, президент Российского отделения Всемирного Союза Танца-Европа, Мастер Евгений Панфилов».

На этой неделе он должен был подтвердить высокие титулы в Екатеринбурге, на форуме под названием «Фестиваль театров Евгения Панфилова». Их у него было три: основная труппа, состоящая из восемнадцати профессионалов, «Балет толстых», набранный из крупных женщин, и недавнее приобретение — Dance company «Бойцовский клуб». Спортивного вида молодые люди, так же как и «толстые», взятые Панфиловым с улицы, уже через месяц исполняли сочиненную для них «Мужскую рапсодию». Фестиваль, посвященный памяти хореографа, начался с опозданием на сутки. Артисты прибыли в Екатеринбург сразу после похорон. Вместе с уже известными спектаклями они привезли недавно законченные балеты: «Уроки нежности», «БлокАда» и «Тюряга».

О Панфилове, ушедшем в канун своего 46-летия, еще будут писать и говорить. Он заслуживает монографии как явление типично национальное, сугубо российское. Взаблomorphic и неуправляемый, по-крестьянски хитрый и цепкий, сам себе пишущий законы («я такой и никаким другим быть не желаю») и их же нарушающий, всю жизнь мечтавший поставить и станцевать балет о Сергее Есенине, он нес в себе неизбывную русскую тоску и отвращение к обыденности. «Жизни мышья беготня», любимая пластическая метафора последних лет, была не только приемом, но и размышлением о самом себе — любившем, искавшем, уставшем. В финале одного из последних спектаклей под знаковым названием «Капитуляция» артисты снимают с себя пышные тюники, и те остаются стоять, как пожухшие снопы на замерзшем поле. В абсолютной тишине здоровенный детина в рабочей униформе неторопливо собирает их граблями и оставляет сцену пугающе черной и пустой. Такой вот панфиловский черный квадрат, «дальнейшее — молчанье»...

Светлана НАБОРЩИКОВА, для «Новых Известий».